

Тысяча имен. Яростный башмачник

Его звали Пьетро Иллиони. Сын башмачника и дочери небогатого торговца, Пьетро никогда не ждал от мира особых милостей. Честный труд, честная жизнь, немного жизненной хитрости. Необходимый минимум потакания собственным страстям и еженедельная исповедь. Достойная жизнь. Достойная работа.

Пьетро пошел по стопам отца – мастера цеха башмачников. Человека, уважаемого в городке Орона – тихого провинциального местечка на юге архипелага Ригельвандо.

С детства отец, сеньор Тибальдо – работяга и тихий пьяница, заронил, не без помощи местного священника в душу сына несколько простых истин. Ориентиров, маяков на жизненном пути.

Человек обязан трудиться в поте лица своего. И труд его будет вознагражден. Единый Золотой вознаграждает честных тружеников своим божественным благословением. На земле же только тот, кто трудится, имеет право хорошо отдыхать после праведного труда.

Человек обязан создать семью, и равно обязан любить и содержать тех, кто делит с ним домашний очаг. Так достигается домашняя гармония, тепло и уют, необходимый каждому комфорт родного дома. Почитая старших, оберегая младших, любя ближних и хорошо работая, человек живет в гармонии с собой и небесами. Труд приносит доход, доход приносит достойную жизнь.

Большая семья сеньора Тибальдо была тому отличной иллюстрацией. Мать Ирена, сестры Эльмира и Дани, младшие братья Арно и Джулио, бабушка Марта, непутевый дядя Лео. Все вместе эти любимые, милые сердцу Пьетро люди жили в большом, просторном доме башмачника, трудились, любили, достойно отдыхали и помогали друг другу, ведя размеренную жизнь в достатке и покое.

Пьетро работал в мастерской отца, сначала новиатом, потом подмастерьем, надеялся стать старшим подмастерьем. Следуя традициям своей семьи, он честно трудился, в меру старался и рос надежным наследником своего уважаемого родителя.

Пьетро рос мальчиком уравновешенным и спокойным, вежливым и веселым, легко принимающим немногочисленные неудачи и честно радующимся дарованным небом и трудом успехам.

Однако я верю, что уже в тот момент недреманное, багровое око Агарота Мьедероха, несравненного «Обманщика ярости», уже остановило свой взор на скромном

юноше. Выделив ничем не примечательного серого человечка, избрав его в сонм верных последователей. Почему? Неисповедимы пути вращающихся богов. В каждом из нас есть какая-то червоточина, даже если жизнь наша хороша и комфортна, тиха и непримечательна. В нас есть место темным страстям, грехам и мрачным думам. В избранных это начало сильнее, ярче, чем в прочих, даже если они не догадываются об этом, даже если на страже их добродетели стоит Единый. Предначертанное неизбежно случится, тому порукой сама судьба. Судьба избранных всегда на стороне глубинных Богов.

Живя честно и достойно, Пьетро не мог понять некоторых вещей. Конечно о таких вещах как, например, природа веры и тонкая грань между добром и злом, он не размышлял. Эти мысли не вызвали бы у честного подмастерья башмачника ничего, кроме головной боли.

Его волновали вещи более приземленные. Почему на него не смотрит Ольмерра – красавица-цветочница с соседней улицы, почему отец иногда по вечерам пропадает в мастерской, а когда возвращается в ночи, от него пахнет бренди, а голос заплетается, почему его так долго (тогда ему шел уже восемнадцатый год) не делают мастером, или хотя бы старшим подмастерьем. Но главное – почему у шельмеца Джино, ровесника Пьетро, мота, воришки, пьяницы и драчуна... Почему у этого во многом недостойного человека, сына портовой кухарки и неизвестного моряка, все в жизни выходит лучше, чем у Пьетро.

Джино был занозой в пальце молодого башмачника. Не мешал, но постоянно зудел, вызывал раздражение, портил настроение. У Джино лучше выходила обувь, особенно благородные туфли с серебряными пряжками, которые покупали лучшие люди города. За такие туфли непутеху как-то раз даже благодарил сеньор Ричензо – мэтр Гильдии Ювелиров и глава городского Совета. К Джино благоприятствовала красавица Ольмерра, их даже видели гуляющими вместе за городом. И самое обидное – Джино вечно хвалил отец. Пьетро даже подозревал, что они вместе пьют по вечерам в мастерской. Но верный сын не решался посягать на отцовский авторитет.

Джино – долговязый слащавый красавчик с кудрявыми вихрами и жгучим взглядом, отравлял невысокому, нескладному, короткорукому Пьетро жизнь.

И самое грустное – Джино был дружелюбен. Всегда приветлив с сыном своего мастера. Предупредительно вежлив, хотя со многими другими в мастерской отца он общался грубо, подчас даже портовыми словечками, почерпнутыми у мамы. Но Пьетро

он всегда помогал, угощал вкусностями, весело, но не обидно шутил. И возможно... Даже считал сына башмачника своим другом.

Так что даже хорошенько поколотить «друга» подмастерье не мог. Это было бы просто неприлично, все приняли бы его за злодея. К тому же сын портовой подавашки был сильнее и быстрее – он часто дрался на улицах и учился владеть навахой у какого-то старого вора.

Тем летним месяцем орналиком все шло совсем наперекосяк. Судьба приносила добродетельному Пьетро один удар за другим. Сначала отец сделал старшим подмастерьем Джино. Затем слег больной, должно быть, перебрав с алкоголем. И главным в мастерской стал Джино.

Но главным был удар, преподнесенный совсем не со стороны мнимого «друга». На Подметочной улице, где располагалась мастерская и дом семьи Иллиони, поселилась приезжая из разгульного Шваркараса.

Знойная, светловолосая красавица с небесными глазами цвета благородного сапфира, с кожей, словно лучшие сливки, что подают в домах богачей, с грацией прекрасной лани. Одета аристократично, безукоризненно и вызывающе, незнакомка покорила сердце Пьетро и целиком завладела фантазией молодого подмастерья.

Она была холодна и изящна, умна и талантлива, сеньор Ричензо посещал ее, только чтобы послушать чарующую игру лютни красавицы. Глава гильдии Ткачей сеньор Олгирелли часто посещал иностранку ради игры в шахматы. Ее дом – уютное, красиво оформленное гнездышко в каком-то легкомысленном архитектурном стиле часто собирал весьма достойную городскую публику в своих стенах.

Пьетро узнал имя красавицы из разговора матери и сестер, злоязыкие родственницы, очевидно из зависти поносили иностранку, обзывая развратницей. Ее звали Филиппа. Филиппа де Тисс. Прекрасное имя, для прекрасной особы.

Пьетро мучался неделю, плохо спал по ночам, во снах ему виделись пухлые, алые губы чаровницы, и другие... более интимные части. Что заставляло тело юноши гореть и трепетать во сне. Наяву он испытывал тоску и сомнения. Она была благородных кровей. Аристократка, иностранка, красавица. Неприступная, бесподобная. Божественная.

Не пара бедному сыну башмачника. Даже в республике Ригельвандо. Пьетро тосковал, стонал, лез на стену. Провожал ее долгим взглядом, когда красотка шла по улице, в платье с глубоким декольте и разрезами на бедрах. Она была бесподобна.

Он любил ее. Она его не замечала. Он стал хуже работать. Под конец недели даже остался в мастерской, заменив отца, как собутыльник Джино.

А утром. После исповеди. Спасибо святому отцу. Юноша понял. Что если он не попытается завоевать ее, то сойдет с ума. Иссохнет от любви. Погибнет. Так жить было нельзя.

И он начал работу. Потратил накопленные честным трудом деньги на драгоценные камни и серебро. Он работал несколько дней без перерыва, почти без еды и пищи, не смыкая глаз. Он создал туфли, лучшие на какие только был способен. Они были почти так же прекрасны как она. Лазоревая мечта модницы с серебряными пряжками украшенными агатами и сапфирами, в цвет ее глаз. С игривой красной лентой, под стать ее платьям. Он вложил в эти туфли душу и сердце. И был готов. Готов испытать судьбу. Сделать так, как учил отец – своим трудом добиться счастья. Возможно, даже заложить камень в новый семейный очаг.

Был вечер последнего дня орналика. Жара и влага от моря погружали город в теплый, похожий на пар хорошего бульона, туман. Он красиво завернул туфли в дорогую оберточную бумагу, не думая о тех деньгах, которые потратил, держа круглую обтянутую бархатом коробку потными от волнения руками, с мечтой и страхом в карих глазах, он шел в дом возлюбленной, дабы излить свою душу. Он шел навстречу судьбе. Так спешил, что даже не успел переодеться, не сняв рабочий передник, в кармане которого болталось длинное шило. Судьба была уже совсем рядом.

Вот этот дом, ее дом, статуи ангелочков на фронтонах, водосточная труба. украшенная кованными розовыми бутонами, крыша розовой черепицы. И...

Джино!

Джино выходил из дома возлюбленной Филиппы! На его щеках и губах Пьетро разглядел следы алой помады. Алой как кровь. Ее помады.

Признание в любви отошло на второй план. Обида, беспокойство и злость охватили юношу. Джино перешел все границы.

Дом любимой остался позади. Затем остался позади и город. Джино шел в сторону скал, расположенных в полумиле от Орона. Ходили слухи о контрабандистах в тех скалах. Ходили так же слухи о связи Джино и контрабандистов.

Пьетро догнал «друга» на каменистом пляже. Это было подходящее место. Затянутое туманом. Зловещее в вечерней тьме. Рядом шумело сонмом сливающихся голосов море. Волны нестройными рядами смертников накатывали на бастионы

каменного пляжа. Брызги призраками взлетали к небесам, фейерверком вспыхивая в лучах Лунной Леди. Белой луны добрых дел.

Это была не ее ночь. Пьетро и его сопернику с неба ухмылялся узким полумесяцем красный, злокозненный Хас, хитро взирая на молодость и безрассудство.

– Джино! Джино! Подожди, – окликнул преследователь своего «друга».

– Курва! – Не сдержался старший подмастерье, чуть не подпрыгнув на месте. В этом пустынном месте среди каменных насыпей и одиноких естественных мегалитов, неподалеку от логова контрабандистов, парень никак не ожидал встретить домашнего, тихого, мирного сына башмачника.

– Джино! – Пьетро радостно подошел поближе, под мышкой он сжимал круглую обувную коробку, рабочий передник развевался на легком ветру. Дышал подмастерье тяжело. Хотя бежать за время пути ему не приходилось. – Я хотел тебя спросить...

– Черт побери! – всплеснул руками сын портовой кухарки, – Ну и место же ты выбрал братишка! Ну и время! Видно что-то важное случилось. Тебя кто-то обидел? Давай найдем гада и насадим на наваху! – только этого не хватало, парень то и правда покраснелся, дышит тяжело, будто бежал, глаза бешенные. Да что еще случилось. Кому он сдался наш милый Пьетро, ладно, разберемся, решим.

– Скажи, Джино, – юноша замялся, еще больше покраснел, опустил взгляд, успев разглядеть среди камней скрывающегося черного краба.

– Ну же! – широко улыбнулся разгильдяй. А может наш парнишка наконец влюбился, не терпится ему, пришел за советом как девке вдуть. Да похоже.

– Скажи. Джино. – дрожащим от волнения тонким голосом поинтересовался Пьетро, – Что ты делал сегодня у Филиппы де Тисс?

– У Филиппы Чаровницы? – Станный какой-то вопрос, совсем не такого он ожидал от скромника подмастерья, – То же, что и все. – Пожал плечами старший башмачник, – Трахался, конечно.

– Трахался? – рот Пьетро открылся от удивления, взгляд поглупел, румянец сменила бледность, коробка выпала из подмышки. – То же, что и все?

– Ну да. Она же проститутка. Продажная девка. Нет не так. Она любит, когда ее называют куртизанка, – ухмыльнулся молодой бабник, – надеюсь, ты понимаешь, о чем я? Вот этим самым я и занимался. Мне недавно повезло – было лишнее золотишко. Решил что-то новое попробовать... Знаешь так, чтобы ух! Она обычно дорого берет, но для молодых и сильных скидки...

Договорить Джино не успел, вернее Пьетро не успел дослушать. Рот «друга» открывался, но оттуда вылетало какое-то дерьмо вместо слов. Проститутка. Его Филиппа проститутка. Да как он смеет. Как смеет этот жалкий портовый нищий так говорить о его возлюбленной, как смеет он поминать ее имя. Как смел он прикоснуться к ней.

Волна ненависти, теплая, сладкая как глоток воздуха для утопающего, страстная как любовница, нежная как первая брачная ночь затопила Пьетро. Младший подмастерье почувствовал, что становится кем-то совершенно другим.

Совсем рядом шумело море. С неба ухмылялся Хас.

Нет, море ревело вместе с Пьетро, Хас вместе с подмастерьем наслаждался бойней.

Не было ничего. Долго не было ничего. А может быть всего мгновенье.

Ярость уходила. Уходила, как проститутка после сделанного дела, как ночь после рассвета, как боль после доброго глотка рома, как страсть после долгих лет жизни. Ярость уходила.

Она оставила руки, и они перестали колотить безжизненную голову, втыкая в нее скользкое от крови шило. Она оставила глаза, и Пьетро увидел перед собой лицо бывшего друга, бывшего врага. Соперника. Лицо совсем недавно живого человека. Ныне исколотую кровавую маску, из пустых глазниц которой вытекли глаза, рот разорван, десна кровоточат, зияя дырами от выбитых зубов. Из пальцев выкатилось изломанное шило. Ярость отпустила живот, и убийца, не сумев сдерживать себя, выблевал все то небольшое, что было за последнее время в его животе.

Прямо в мертвое лицо лжеца Джино. Лжеца ли? Уже неважно. Это было прекрасно. Эта ярость. Эта боль. Эта сила. Это наслаждение. Это было прекрасно.

Он это сделал. Избавился от Джино. Навсегда. Теперь все будет хорошо.

Пьетро дотащил тело до океана, в боку все время что-то кололо. Бросив труп в волны, он ощупал бок. По рукоять там сидела раскладная наваха бывшего друга. С безразличием башмачник извлек ее из раны. Место лезвия затопила кровь. Кровь, но не боль. Боли не было.

Волны сомкнулись над телом Джино. Беззвучно. Или вопя на тысячу разных голосов. Океан принял дар. Убийца был уверен – тело не всплывет.

Разум становился ясным. Кристально ясным. Филиппа. Куртизанка. Да. Они ходили не за музыкой. Не за шахматами. Мир не такое милое место как он представлял. Не такое, каким его рисовал маленькому Пьетро его отец-алкоголик. Совсем не такое.

Вслед за телом в море отправилась обувная коробка, вместе с туфлями, которые он так долго мастерил. Волны приняли и эту жертву. Наутро рана от навахи совсем прошла.

Боль от раны и от обиды прошла. На следующий день пришло раскаяние. Пьетро со страхом смотрел в лица родных и близких, на работе он почти прятался от младших подмастерий. Его дергало от каждого вопроса «Где же Джино», хотя они разговаривали меж собой, не обращая внимания на сына мастера.

Дома все были заняты болезнью отца. На мрачного, угрюмого, опасливо озирающегося Пьетро обращала внимание лишь младшая, шестнадцатилетняя сестра Эльмира. Она, видя, что брату плохо и неуютно, ненавязчиво окружила его заботой и теплом. Как и предписывала жизненная мудрость их семьи. Следить за отцом хватит и трех женщин. Эльмира видела, что с братом что-то не так, видела, волновалась и помогала как могла.

Ласковые объятья, когда лицо мертвого Джино начало являться по ночам, простое и бессмысленное веселое щебетание сестры, когда сын башмачника погружался в глубины паранойи, добрая улыбка участливый взгляд. Просто близость родного человека. Все это позволило Пьетро прийти в себя. Он перестал бояться ночных теней, избавился от памяти о предсмертном взгляде бывшего соперника, продолжил жить. Жить, как жил раньше. Работать и ругать проклятого Джино. Который сбежал с недельной кассой мастерской. Деньги возместили траты на туфли.

Очень скоро и Филиппа переехала. Кто-то каждую ночь повадился писать на ее дверях красной краской «шлюха». Занятно, о своей любви к куртизанке, Пьетро рассказывал только Эльмире. А буквы очень были похожи на почерк сестры.

Изнаненное сердце убийцы успокоилось. Месяц прошел спокойно. Жизнь вернулась в свое русло. Даже память о безумном наслаждении ярости начала стираться. Мертвец в волнах перестал напоминать о себе. Пьетро был почти счастлив.

Но злодеяние находит наказание. Подчас вне зависимости от обстоятельств, злодеяния и степени наслаждения, которое оно повлекло за собой.

Спустя месяц или чуть более того, на улице подметок появился невысокий, крепко сложенный человек в жилете на голое тело, в потертых шароварах и острым, как красный перец, кинжалом за широким кушаком. Был он лыс, небрит, пузат и отталкивающе неприятен на этой мирной улице тихого провинциального городка. Широкое, костистое лицо постоянно омрачала личина недоверия ко всему окружающему миру, свойственная природным преступникам, сломанный неоднократно нос, говорил о задиристости

человека, или же об умении влипнуть в неприятности. Тяжелая челюсть и угрюмый взгляд из пещер мощных надбровных дуг вызывали в каждом видевшем этого человека обитателе улочки беспокойство и стремление позвать стражника.

А видели его многие.

Человек этот, по виду и повадкам сущий разбойник, на деле же контрабандист по имени Родриго «Сват», бродил по улице, расспрашивал людей, улыбался ртом, полным гнилых зубов и дыр на месте потерянных в боях и схватках с гигиеной, и искал невысокого нескладного паренька, по виду башмачника.

Пьетро он нашел не сразу. Но довольно быстро. Мощный кулак с синими жилами бухнул в дверь дома Иллиони. И счастье уже старшего подмастерья внезапно закончилось.

– Итак, сынок, получается, это ты был на том пляже, с месяц назад, – ухмылялся контрабандист, источая гнилостную вонь.

– Вы меня с кем-то спутали, – дрожал Пьетро всем телом, он не умел врать и был слишком поражен внезапными переменами, чтобы найти в глубинах своей сути это полезное умение, взгляд метался по комнате, ответная улыбка была заискивающей.

– Сынок, не будь смешным, – бандит был уверен в себе, он умел ломать людей, и видел, что юный башмачник сломался уже после первой фразы. Дело выходило легким. Легким и надежным. – Не умеешь врать, так не берись. Лучше поскреби по сусекам. Набери сотню золотых. И принеси завтра. На тот же пляж. Ты знаешь место.

Сын башмачника лишь удрученно кивнул в ответ.

– И приходи один, – добавил контрабандист уже от дверей, погладив рукоять кинжала за поясом, – Если что пойдет не так, я найду способ всем рассказать, что ты сделал.

Бандит рассмеялся и ушел.

В коридоре, к застывшему у парадной двери брату подошла Эльмира.

– Пьетро? – голос сестры дрожал, в глазах были слезы, – Кто этот человек? О чем он говорил? У тебя неприятности?

– Все в порядке, – затравленно оглянулся на сестру башмачник, улыбнулся легкомысленно, уверенно, переступая через щемящую боль в груди, – Все хорошо, Эльмира. Ничего не случилось. Этот человек... Он приходил по делам. Я все улажу. Не волнуйся, сестренка.

За болью пришла ярость. За яростью предвкушение.

Этот человек. Пришел в его дом. Этот негодяй, посмел попрекать его, почти безгрешного Пьетро, попрекать злодеянием, хотя у самого в глазах пляшут кровавые мальчики. Он посмел требовать золота. Столько золота, сколько они зарабатывают все вместе за несколько месяцев. Он напугал сестру. В глазах Эльмиры Пьетро видел слезы. И этого простить не мог. Он должен был защищать домашний очаг. Башмачник почувствовал наслаждение. Он уже знал что делать. И это будет доброе дело.

В этот раз было проще. Легче. Без угрызений. Чистое, ничем не замутненное наслаждение. Контрабандист поначалу хорохорился, он пришел на пляж с двумя дружками. Они ржали над Пьетро, хохотали в голос, толкали, потешались над незадачливым убийцей.

Родриго бубнил что-то про окровавленную одежду и шило, которые башмачник спрятал в скалах, грозил рассказать все начальнику стражи или «придумать что-нибудь поинтересней».

Смех перешел в вой, когда мирный башмачник с оскаленным ртом в одно движение, как соломинку от веника сломал руку подельника «Свата». Следующим движением он вогнал длинный хлебный нож, прихваченный с кухни, в горло жертвы. Бандит упал, влага лилась из его зловонной пасти, казалось, она заливала саму душу Пьетро волнами блаженной эйфории.

Контрабандисты оказались не робкого десятка. Позже старший подмастерье не многое мог вспомнить из драки. Горячее наслаждение и лишь усиливающая чувства боль затопили сознание юноши, оставив лишь одно стремление. Стремление продлить агонию блаженства. Продлить жизнями своих жертв, их болью. Их предсмертной, кровавой страстью.

Он вспомнил себя много позже. Залитый полуденным солнцем пляж преобразился, блестели на солнце белые камни, переливаясь искрами разноцветного кварца, в победоносное крещендо сливался шум волн. Ярким шелком на грубом камне растекалась кровь.

В руках башмачника дергался контрабандист Родриго. Негодяй, решивший разрушить хрупкую идиллию мирного ригельвандского труженика. Грешник и прожигатель жизни. Сват умирал как жил, грязно, подло, беспричинно, в борьбе. Он вяло тыкал в грудь башмачника кривым кинжалом, пока сильные, но неумелые руки Пьетро выдавливали из обидчика жизнь. Хлебный нож остался в глазнице второго напарника

контрабандиста. Хрипя и царапая кривыми пальцами лицо своего убийцы, Родриго отошел в мир иной.

Море приняло жертву. Пожалуй, даже более благосклонно, чем прежде. Тридцать ножевых ран на теле Пьетро заросли на глазах.

Одежду опять пришлось спрятать, а домой возвращаться почти голым. Но это было неважно. Совсем не важно. В душе пели ангелы. Высокое небо улыбалось башмачнику. Он был уверен, что уж теперь, то точно все будет хорошо!

Шли дни, отец болел, как старший подмастерье сын за него хозяйничал в мастерской. Эльмира была довольна и приветлива – ведь брат сдержал обещание, ничего плохого не произошло.

Все было почти благополучно. И только хворый родитель немного портил картину семейной идиллии и личного успеха, постигшую юношу.

Сеньор Тибальдо стал раздражителен, болезнь и безделье сделали его сварливым и злым. Он часто бранил жену, которая постоянно дежурила у его кровати. Мать Пьетро выполняла все прихоти больного мужа, все кроме одной. Она не давала ему алкоголя. И, похоже, это невыразимо злило мастера башмачника. Ни уговоры, ни отсылки к рекомендациям доктора, ни даже беседы со святым отцом не смогли образумить глупого родителя.

И это расстраивало Пьетро. Мелкой мушкой, почти как тогда, с Джино, зудело над ухом. Отец – столп и надежда семейного очага разлагал семью изнутри. Он все портил. Он нарушал собственные правила.

Это было обидно. Порой становилось просто невыносимо.

В один прекрасный день сеньор Тибальдо перешел все дозволенные границы. Воспользовавшись своим отцовским авторитетом, непререкаемым для детей, он заставил Дани, младшую дочь, принести ему виноградного спирта из мастерской.

Это полбеды. Мать заметила и попыталась отобрать проклятое зелье. Он был хвор и стар, но все же в приступе ярости он избил свою законную супругу до полусмерти.

Этого Пьетро не мог вынести: он избил мать, он осквернил домашний очаг, он заставил свою дочь совершить неправильный поступок, пойти против мнения врача и священника. Но хуже того. Он впал в ярость! Этот старый, глупый, ничтожный алкоголик! Он опорочил это святое, нежное, славное чувство. Такое поведение младший башмачник не мог не осудить.

Нега и наслаждение, а вместе с ними боль, выворачивающая из суставов руки и ноги, пришли через два дня, когда мать отправилась на ночь к подруге. Теплая, родная, возлюбленная и совершенно неконтролируемая ярость пришла, как дуновение свежего ветра в черный штиль. Как сладкий дождь во время засухи.

Пьетро понравилось душить свои жертвы, это было легко и удобно. Отец мычал из-под подушки, а сын, оседлавший старика на супружеском ложе семьи Иллиони бил его в грудь кулаком, выбивая из легких воздух, и душил мягким пуховым облаком, не давая закричать или позвать на помощь. С каждым ударом, с каждым судорожным вздохом родителя эйфория в душе невероятно нарастала. Сын отдался блаженным волнам целиком. Закончив дело, он еще долго лежал рядом с телом, обнимая мертвого старика. Ждал, пока утихнет боль. Ждал, пока пройдет вяжущая радость.

Отца похоронили через три дня. Мать была вне себя от горя. Сестры рыдали. Даже чувствительный малыш Арно всплакнул. Пьетро был серьезен и торжественно мрачен. Теперь он стал главой семьи, на него ложилась забота о близких и управление мастерской. Он стал хранителем домашнего покоя, залогом достатка и благополучия близких.

Глубоко в душе он скрывал ужас. Ужас за свершенное. Ужас, которым нельзя поделиться даже с Эльмирой. Грех, который навсегда могильной плитой отца лег на его душу. Он убил отца. Он нарушил заветы их семьи, пошел против старшего, предал родную кровь. Причины были не важны.

Наблюдая, как черный гроб засыпают землей, юноша поклялся. Он больше никогда не позволит ярости завладеть собой. Он не позволит, как бы ни было это тяжело. Жаль было расставаться с неземным наслаждением. Но кто знает – кто станет следующим? Кого еще он убьет? Брата Арно? Мать? Бабушку? Эльмиру?

Он вступил в борьбу.

Время шло, песчинками в призме часов дни сливались неделями, недели обращались месяцами. Месяцы томно и громоздко копились в годы.

Поначалу Пьетро, главе семьи Иллиони и мастеру башмачнику, было очень тяжело. Ярость вскипала в душе по малейшему поводу. Бесплотным призраком с тонкими туманными щупальцами напоминала о неземном блаженстве. Злым кучером почтовой кареты стегала кнутом сладкой боли. Ярость стремилась вернуться.

Башмачник сопротивлялся. Пытался забыться в работе. Чуть было не пошел по стопам отца, тропой зеленого змия. Начал часто бывать в церкви. Там становилось лучше, но ненадолго.

Демонической ухверткой с лапками-крючьями ярость проникала все глубже в естество несчастного.

Облегчение пришло неожиданно. Будто горние силы сжалились над бедным башмачником. А стоило всего-то осмотреться по сторонам.

Спаситель имел имя. Мученика звали Лео. Непутевый брат отца. Сохлый побег семейного древа. Законченный неудачник и азартный игрок.

Как-то раз Пьетро заметил, что из дома пропала дорогая табакерка. Заподозрив неладное, он послал незаметного Арно следить за дядей. И очень скоро узнал – родственник снова проигрался в карты. Домашнее имущество пошло в уплату долга.

Разговор был тяжелым и липким. Лео все отрицал, потом давил на жалость, затем попытался призвать на помощь сомнительный в данном случае авторитет старшинства.

Потом его лицо превратилось в кровавую кашу. Ярость. Боль. Наслаждение. Добрые друзья. Они пришли снова.

Башмачник сломал брату отца нос. А когда тот попытался выхватить нож, сломал руку.

Но Пьетро давал обещание. Он сдержался. На помощь пришли стыд и чувство вины. За жизнь своего непутевого брата заплатил отец юноши. Лео остался жить. Из стыда ли, что его побил слабый на вид нескладный племянник, или же не желая раскрытия причин драки, дядя никому не сказал, кто стал причиной его ранений. Предпочел отмалчиваться. Так что скоро все решили, что непутевого родственника опять настигли кредиторы.

Через несколько месяцев Лео снова совершил ошибку, пришел домой пьяным и попытался полезть со странными намерениями к Эльмире.

В этот раз Пьетро бил его долго, смакуя бушующее в душе море сладкой черной истомы. Он контролировал себя все лучше. Ничего не сломав, башмачник научил дядю послушанию, заставив надолго бросить глупости. Урок пошел впрок им обоим, Пьетро научился держать себя в руках, а дядя осознал свои грехи.

Но натуру не переделаешь. Раз за разом Лео совершал глупости. Раз за разом, все лучше контролируя себя, мастер башмачник колотил нерадивого приживалку. После того, что было с отцом и контрабандистом, это было пресной похлебкой в сравнении с бараньей лопаткой. А случай с Джино... Нет, лучше даже не думать об этом, не вспоминать. Забыть, как тогда было хорошо. Но все же эти домашние воспитательные работы помогали башмачнику не сходить с ума. Ведь теперь от него зависела семья.

Миновало три года. Мастерская процветала, росла вместе с городом, богатевшим на стыке торговых путей. Пьетро стал спокойным, размеренным, серьезным человеком, все еще юный, но повзрослевший от груза ответственности. Он служил столпом семейного счастья его близких и надежным щитом для них перед тревогами мира.

Внешне он тоже изменился. Не смотря на то, что работа в мастерской не была ни тяжелой, ни изнуряющей, он окреп, оброс мускулами, похорошел лицом. Втайне башмачник подозревал в этом новый, неожиданный дар ярости.

Менялся Пьетро, менялась и его семья. Мать после смерти мужа стала скованной, вечно грустной и тревожной, иногда, особенно по вечерам, когда они вместе собирались у очага и слушали истории бабушки Марты – отличной рассказчицы, она смотрела на сына со смесью страха и подозрения, неприятной для Пьетро. Эльмира вышла замуж. Мастер башмачник в душе был против, но всё же это в порядке вещей. Ее муж был студентом, помощником адвоката, человеком умным и подающим большие надежды. На год младше Пьетро. Они были счастливы, и юноша примирился, желая сестре только лучше.

Арно стал старшим подмастерьем, в четырнадцать своих лет он шил башмаки лучше мастера брата. Джулио пошел в моряки, ветер странствий на парусах бригантины «Леди Шаки» унес его в колонии на далекий экватор. Дани ходила в приходскую школу и все больше манерами и характером походила на сестру.

Жизнь текла. Как и учил отец, мир его праху, честный труд, честный отдых и семейное благополучие приносили в жизнь Пьетро радость и комфорт.

И только по последним месяцам года – фиратонакрешам, месяцам Поминовения Мертвых Кораблей, он становился мрачен и молчалив, почти не работал, старался ни с кем не общаться, много пил, пугая близких странной переменой характера.

В эти месяцы он давил в себе ярость, черным спрутом прорывающуюся из глубин его естества, давил желание разбить голову матери о чугунную плиту, задушить брата, голыми руками насмерть забить дядю. Он давил ярость и тихо скулил, отрывая с рук и груди внезапно выраставшие там чешуйки, выдавливая как прыщи рыбы глаза, что появлялись на ногах, ножом вырезая из тела полипы – плот от плоти его.

Самое страшное – он догадывался, что значат все перемены, происходящие с ним. Знал и мало что мог сделать. В церковь идти было поздно – священники сжигали таких, как он. А ведь жизнь только начиналась.

В минуты скорби и сомнения Пьетро утешал себя – искал оправдания. Уверял самого себя, что пока он держится в рамках. Пока живет простой, привычной жизнью, пока

не выпускает ярость на свободу. Пока не совершает непростительных ошибок – все будет хорошо. Он искал силы в семье и долге, в глазах любимых сестер и привычном шуме мастерской, в вечерних посиделках у очага и обществе немногочисленных друзей – по большей части ремесленников с той же или соседних улиц.

Но вот снова пришел фиратонакреш. Снова ярость и сомнения поселились в душе юноши, а в зеркале он увидел на месте левого глаза разъяренное око спрута.

И вновь судьба распорядилась в пользу башмачника. Вновь силы, что за гранью простого понимания, действуя по лучшему миру плану – плану безумных совпадений, прислали ему спасение.

Спасение пришло в виде Эльмиры. По-прежнему любимой, но редко в последнее время навещавшей их дом, сестры Пьетро.

Она, несчастная, дрожащая, темной, дождливой ночью постучалась в дверь отчего дома дрожащей рукой. За чашкой горячего кофе девушка поведала о своих злоключениях.

Ее возлюбленный муж Карло Старцони, студент и помощник юриста, оказался негодяем. Единым мигом Пьетро узрел перед собой цель.

Он был богат и успешен, хотя выбился из грязи. Как Джино. Он бил свою жену, несчастную Эльмиру и каждый вечер напивался в хлам. Как отец. Он играл и проигрывал, впадал в отчаяние, занимал деньги и снова играл. Как Лео.

Он был хуже. Хуже каждого из трех. Возможно даже хуже Родриго – этот хотя бы не прикидывался честным человеком.

Этой ночью, проиграв в карты тысячу золотых, сумму, на которую можно купить дом, Карло попытался в уплату долга предоставить кредитору свою супругу.

Он хотел сделать из Эльмиры проститутку.

Сердце забилось боевым барабаном, в ушах мириадами злых голосов запели волны, кулаки сжались, будто уже на горле негодяя. В ту ночь Пьетро потерял себя.

Он опомнился лишь утром. На пустынном пирсе, за городом. Скармливая морю останки неудачливого помощника юриста. Живот пульсировал болью. Еле слышной. Не той. Не той, что приходит с эйфорией.

Вот упала в волны нога в добротном башмаке из мягкой кожи. В животе что-то зашевелилось. Свалилась рука, сжимающая какой-то деревянный обломок окоченевшими пальцами. Из кишок башмачника будто что-то полезло через кровоточащую дыру. Мешок исторг изувеченную голову с остекленевшими бельмами мертвых глаз, еще недавно

полных ужаса. На гнилые доски причала из живота Пьетро выпала пуля, выпущенная в упор из боевого мушкета.

Изорванный торс с обнаженными ребрами без плеска вошел в воду. С легким чавканьем рана сомкнулась. Боль отступила, как крестьянское ополчение отступает перед регулярным строем.

Тем месяцем, и еще долгое время после, мастер башмачник не менялся. Исчезла чешуя, перестали смотреть глубинной тварью в зеркало глаза, полипы и дергающиеся крабьи ножки. Его тело исцелилось от скверны. Ярость исцелила его. Хвала желанному безумью!

Безумие, которое он считал корнем своих бед, исцелило Пьетро. А судьба, кою он никогда не считал своей союзницей, вновь пришла ему на помощь. Той ночью, дождливой и холодной улицы маленького Орона были пустынными. Никто не приоткрыл штору на окне, дабы осмотреть пустынную улицу, никто в тот час не опаздывал к ужину, суетливо ступая по скользким каменным плитам мостовой. Никто не увидел, как убийца входит в дом жертвы.

Все, кому было хоть какое-то дело до Карло Старцони, заподозрили, что он сбежал от кредиторов.

Эльмира была безутешна. Несмотря на побои, грехи, несправедную жизнь и скверный нрав, она все же любила мужа. Его пропажа подкосила девушку.

Через полгода Эльмира скончалась, родив на свет мертвого ребенка, тварь в чешуе с зубами хищной рыбы.

Наказание за содеянное? Кровавое совпадение? Ухмылка зубастого старика Рока? Пьетро не знал.

Но знал другой человек. Будь трижды проклято его имя. Городской священник Теодор Нанцони. Неопытный в таких делах, – в мирном Ороне такого не происходило давно, – служитель Единого Золотого, был все же не глуп. Он лично сжег тело младенца.

Он знал: такое событие – верный знак дыхания Пучины. Безмолвное, тяжелое, как свинец для отливки пуль, подозрение легло на всю семью Иллиони.

Мастер башмачник не заметил интереса святого отца, равно как не замечал он тревоги матери. Жизнь теряла смысл. Уходила из-под ног. Счастье снова рушилось карточным домиком в детских руках.

Эльмира умерла. Убита собственным мертвым ребенком. Ребенком, выглядевшим как оживший ночной кошмар Пьетро. Яд понимания произошедшего выжигал башмачника изнутри.

Он стал угрюм, раздражителен, злобен и неприветлив. Сказкам у очага в семейной компании предпочел сомнительный уют таверны «Вареный рак», груб стал с подмастерьями, безразличен к домашним. Он не знал, кого винить. Себя или Карло. А может быть Эльмиру. Не знал, что дальше делать. Жил как на душу положит.

Облегчение приносила только чужая боль. Все чаще и чаще непутевому Лео стало доставаться от племянника. Ярость, мимолетная, как свидание бедняка и дворцовой шлюхи, на час, на миг, на вздох, облегчала участь мастера башмачника. Наслаждаясь чужими страданиями, он забывал о собственных. И только в эти редкие моменты был счастлив.

Минуло еще два года. Пьетро, все чаще мучимый жаждой ярости, стал груб не только с домашними, он часто почти ни за что наказывал подмастерий, дрался в таверне, вступал в ссоры со случайными прохожими. По всему городу он прослыл забиякой и злобным негодяем.

Еще он женился, без любви, по чужому расчету, на дочери торговца скобяными изделиями. Тощей, склочной, некрасивой Патрисии. Он дал за нее хороший выкуп, помогая тем самым семье Патрисии выбраться из полосы невезения.

Каждый день с этой женщиной превратился в ад на земле. Для них обоих. Она бранила, его, ругала за скверный нрав и бедность, за нежелание расширить мастерскую и отсутствие внимания к жене, за каждую малейшую провинность.

Он бил ее. Раз в неделю, иногда чаще, заменяя утехи на брачном ложе наслаждением много большим, наслаждением ярости. Возможно, именно поэтому он выбрал ее. Патрисию, самую скверную невесту квартала. Им обоим было невыносимо. Ему было хорошо.

Прошел еще год. Патрисия родила башмачнику ребенка. Нелюбимый сын от нелюбимой жены. Он плакал по ночам, орал днем, все время что-то хотел. Она ругалась. Била посуду, грозила опозорить Пьетро перед соседями.

Безумие подступало, вкрадчивыми шагами вора в ночи. Черной тенью в светлый день.

Первым был пьянчуга из «Вареного рака». Безлунная ночь. Старый, шероховатый кирпич стен. Шум из переполненной таверны. Тело вышедшего помочиться гончара нашли

на утро. Кто-то разбил его голову о стену таверны. На шее остались сизые следы сильных пальцев, сжимавших горло жертвы.

Страх, как побитая собака, осторожной рысцой трусил за хозяином-безумием.

На следующий день Пьетро был весел и приветлив, доволен жизнью и даже жену с ребенком терпел без раздражения.

Он познал истину. Истину звали боль. Истину звали страдание. Истину звали смерть. Истина имеет тысячу имен.

Через неделю в подворотне нашли разорванный труп бродяги. Будто поработал оборотень. Кто-то с нечеловеческой силой превратил живого человека в лохмотья кровавого мяса. Но ничего не было съедено.

Страх преобразился. Липким киселем он полился по улицам города.

Минул месяц. Башмачник неизменно находился в хорошем настроении, почти забросил «Вареного рака», с удовольствием слушал бабушку по вечерам. Улыбался матушке. Даже хорошо повлиял на супругу – заставив склочную Патрисию на время перестать собачиться с домашними.

И только мать смотрела на сына с возрастающим ужасом, скрывая свои чувства за ширмой наигранных улыбок.

Еще месяц, и город отошел от страха, люди вновь стали ходить вечерами по улицам. Но снова мертвая проститутка в подворотне, избитая до смерти, удары такой силы, что разорваны внутренние органы. Стража стала сбиваться группки по шестеро, сменила дубины на мушкеты, напялила старые кирасы и морионы.

Утром Пьетро подарил жене цветы, а матушке новый шелковый платок, купленный у моряков. Он улыбался. Он любил всех на свете.

Тем же вечером Ирена отправилась в церковь.

– Пьетро, сын мой, – слова святого отца напомнили голосом и интонациями мертвого алкоголика из прошлого башмачника, – Не желаешь ли ты поговорить? Нет ли чего-то, чем ты хочешь поделиться. Открыть свои мысли Единому?

– Мои мысли всегда открыты нашему небесному владельцу святой отец, – улыбка вышла искренней и честной, почти такой и была. – Я могу говорить о чем угодно с вами! У меня нет тайн!

– Ты уверен сын мой? Нет ли чего-то такого, что ты, возможно, помнишь недостаточно хорошо, из событий последнего времени? Чего-то, что может тебя тревожить или даже пугать? – священник смотрел на собеседника и видел маску, видел

двух разных людей, сидевших перед ним в одном теле, простого башмачника и второго, того, кого отец Нанцони смертельно боялся. Он не был уверен. Но подозрения все крепили.

– Как никогда святой отец. Все прекрасно! У меня были беды в последнее время. Ссоры с женой, неполадки с близкими. Ребенок меня смущал. Но все это в прошлом. Я примирился с собой и с миром, – он улыбался легко и искренне. Он ненавидел святого отца, ненавидел до дрожи в коленках и сведенных скул. Он ненавидел священника и улыбался. Он видел его смерть.

Святой отец ушел ни с чем. Или же ушел, подтвердив свои мрачные догадки.

А через неделю Пьетро вернулся домой, его одежда была в крови, глаза блестели, губы расплзались в нелепой улыбке.

На пороге его встретила мать. «Что с тобой Пьетро?», «В кого ты превратился сынок?», «Зачем? Зачем? Зачем ты?».

Она не понимала. Улыбаясь, он прошел в свою комнату. Лег на кровать, обнял жену и заснул счастливым.

Вечером следующего дня мать снова заговорила с сыном. За окном всходил полный, похожий на багровое око, полное ненависти, Хас. Туман стелился по улицам Орона. Был холодный месяц ихтионис. Месяц, когда почитают морских богов.

Мать пала ему в ноги и умоляла одуматься. Сквозь слезы рассказала она о планах святого отца. Священник был готов вызвать инквизитора. Она так любила своего дорогого мальчика. Она хотела ему только хорошего. Она умерла после второго удара. Ярость захлестнула Пьетро. Затопила. Заставила биться в агонии и выкликать небеса в свидетели.

Он этого не хотел. Но судьба вела его.

У церкви дежурило шестеро стражников. Шестеро сильных, хорошо вооруженных людей в крепких доспехах. Они хотели остановить безоружного башмачника. Башмачника с глазами спрута.

Я нашел его на ступенях, у алтаря, среди разбитых икон и кубков, среди золота и крови. Он обнимал мертвого Теодора. И смеялся. За моей спиной изломанными марионетками валялись мертвые стражники. Тоже его работа. Я бы не смог лучше.

– Пойдем, Пьетро. Твое имя, одно из тысячи имен. Его прошептал мне Агарот Мьедерох, коего прозывают «Обманщиком ярости». Ты избран. Избран испытывать наслаждение ярости. Избран служить Пучине. Ты один из нас.

Я произвел впечатление. Я всегда знаю, как произвести на них впечатление. Темная церковь, умирающие свечи, гулкое эхо под высокими сводами. Черный силуэт, чернее ночи, на фоне страшной, красной луны. Лишь взгляд во тьме, из-под светящихся оранжевых очков, из тени черного цилиндра. Голос вкрадчивый и властный. Нечеловеческий голос. Голос его ярости.

Он сидел передо мной. Бедный Пьетро. Счастливый Пьетро. Совсем не тот мальчик, что убил друга ради потаскухи. Безумный взгляд карих глаз, спутанные волосы, дрожащие руки, пальцы-тиски, мощные бугры мышц, что проступают из-под изорванной чужими пулями и штыками рубахи. Грудь колесом, но плечи безвольно поникли. Взгляд безумен, но бесцелен, кривыми пальцами-тисками он пытается скрыть наготу, прикрывая израненное тело.

Взведенный пистолет, без хозяина, клинок, забытый в ножнах на стене. Машина смерти без инженера.

– Пойдем со мной, Пьетро, – я протягиваю руку в черной перчатке, за спиной нарастает гул толпы. – Пойдем. Я дам тебе цель.

Он улыбается, недоверчиво, несмело, в глазах проступает тень надежды. Он понимает – его жизнь не закончится на этих ступенях. Рядом с изломанным служителем ложного бога. Он встает, пошатываясь, опираясь на мою руку. И снова улыбается. Улыбается благодарно.

Они собрались на площади перед церковью. В глазах ужас, в руках оружие. Вилы, факелы, мушкеты, дедовские сабли и новые пистолеты.

Мы вышли, оставляя за спиной темный проем мертвой церкви. Они подались назад. Нас всего двое. Высокий человек в цилиндре и темном длиннополом сюртуке и кряжистый Пьетро, окровавленный, с глупой улыбкой. Он смотрит на меня, как верный пес. Нет, как верный сын, смотрит на меня, как на отца. Как на отца, когда тот еще был дорог башмачнику.

Я не подведу тебя, Пьетро. Теперь ты – моя семья. И мы поддержим добрые традиции.

Горящая зеленым огнем священных знаков сабля покидает ножны с легким скрежетом. Она жаждет крови.

Мы жаждем крови. Губы башмачника кривит неистовая улыбка. Его обожаемая ярость снова вливается в него.

Толпа пятится, отступает, огрызаясь раненым зверем, обращается вспять. А мы уходим. Идем прямо на корабль. У нас с Пьетро еще много дел.